

лам, «рукоделью», торговле, поженили и замуж выдали, и они теперь «свободны своими добрыми домами живут» (стр. 66).

Заканчивая свое «Послание» сыну, Сильвестр вводит новую для Домостроя тему — об обязанностях на «государевой» службе: «Служи верою да правдою безо всякия хитрости... другу не дружи, недругу не мсти, и волокида бы людем ни в чем не была... а в торговли прямую розлаську чини... и все бы у тебя государьское было всегда в счете и в смете и в писме и приход и расход. И к казначею буди послушен, а с товарищами советен, а к подьячим и мастером и к сторожем грозен и любовен и ко всяким людем приветен». Так снова Сильвестр возвращается к вопросу об отношении ко «всякому человеку», выделяя, однако, тему суда: «А случится суд, всякому человеку богату и убогу — другу и недругу, аще свое дело истинно и праведно, без волокиды и безо всякия хитрости соверши, по еуангельскому словеси — не на лица судите, сынове человечести, но праведен суд судите» (стр. 70).

Как видим, и после доработки Сильвестром, несколько смягчившим образ хозяина (целиком погруженного в заботы об охране и приумножении своей личной собственности) и показавшим его также на «государевой» службе, сохраняется заметный разрыв между моральными требованиями христианства и житейской практикой. Все формулы, в какие облекла христианская учительная литература основные элементы этики и которые полностью представлены в Измарагде, повторил Домострой, но их конкретное осуществление в жизни было уже редким явлением. Отсюда такое обильное перечисление нарушений моральных требований, такие настойчивые напоминания о том, что внушать их следует «грозою» и даже «ранами», такое заметное стремление ограничиваться лишь формальным выполнением тех нравственных и религиозных обязанностей, которые ценились учительной литературой, в том числе и Измарагдом, только при соответственном «душевном» настроении.

Если в положительных чертах образа идеального христианина, каким его рисуют Измарагд и Домострой, было немало таких свойств и требований к поведению, которые надолго пережили самую христианскую религию, то, с другой стороны, практические наставления «благоразсудному» хозяину и описание тех «обид», какие могут быть нанесены ему и в его личном хозяйстве, и в суде, куда он обратится за помощью, показывают, как далек от практического осуществления был этот положительный образ в условиях феодального общества. Когда литература в XVII в. стала выдвигать задачу изображения человека таким, каков он на самом деле, а не только каким он должен быть, мы встретим в ней немало того, о чем как о нарушающем христианскую этику предупреждала учительная литература прошлого.